

Алексей БАРТОШЕВИЧ

ВОИН И ДЖЕНТЛЬМЕН

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

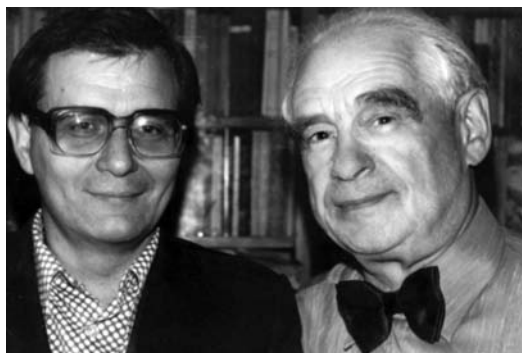
В книге «Шесть рассказов об американском театре» (1963), где одни главы написаны Г. Бояджиевым, а другие – А. Аникстом, перу последнего принадлежат несколько строк, вызвавших негодование тогдашнего идеологического начальства и серию громовых статей с серьезными политическими обвинениями.

Как же, в самый разгар борьбы против «идейно порочной концепции абстрактного гуманизма» Аникст позволил себе самым дерзким и вызывающим образом заявить: «Человеколюбие не может быть абстрактным».

Теперь это суждение кажется чем-то само собой разумеющимся. Но какой смелостью ума, какой готовностью к риску надо было обладать в те дни, больше сорока лет назад, чтобы без обиняков и оговорок (без всяких, по тогдашнему выражению, «подушечек»), высказать эту простую идею и облечь ее, как он умел, в форму афористическую, разящую, подобно удару шпаги.

Это был, конечно, случай не столь уж важный, не более, чем деталь в научной и человеческой биографии Александра Аникста, но в этой детали, одной из множества подобных, точно отразилось существо его личности.

Александр Абрамович Аникст был одним из тех, начинавших в 1930-е годы молодых интеллектуалов, которые стремились во что бы то ни стало восстановить в правах понятие гуманизма вопреки лживым спекуляциям этим понятием, когда оно, получив в сопровождение разного рода «уточняющие» эпитеты, ставилось на службу целям, прямо ему противоположным. Аникст, как и другие лучшие люди его поколения, не только рассуждал о гуманизме, но и служил ему, сражался за него. На поле боя (он был солдатом Великой Отечественной), в публицистических дискуссиях послевоенных десятилетий, в науке. Не случайно главными предметами его исследований стали две вершины

А. Бартошевич и
А. Аникст

европейской гуманистической традиции – Шекспир и Гете.

Границ между «интересами науки» и «зовами современности» для Аникста не существовало. В своих академических трудах, в критической публицистике, полной гражданской страстности и сокрушительного остроумия, наконец, в самой своей жизни, в борьбе, которую он вел много лет, он следовал урокам, которые находил в великих творениях мирового искусства. Энциклопедическое богатство его мысли было обеспечено золотым запасом его личной нравственности. Ему верили и как ученому, и как человеку.

Много раз с величайшей готовностью и истинной отвагой он бросался защищать невинно пострадавших, подписывал обращения в их защиту, неутомимо хлопотал, ходил «по инстанциям», прекрасно понимая, сколь ничтожны шансы добиться справедливости. (Помню его слова: «Я знаю, что это дело безнадежно, но я люблю браться за безнадежные дела».) Он умел ценить талантливость в науке и искусстве и не раз силой своего имени поддерживал самые смелые эксперименты, самые современные интерпретации в театре и в науке.

В трагические моменты истории Театра на Таганке он стоял рядом с Ю. Любимовым и с блеском, хотя, увы, без успеха, сражался за спасение «Бориса Годунова». Стенограмма обсуждения приговоренного спектакля похожа на полную драматизма современнейшую по конфликту пьесу, в которой Аникст сыграл безукоризненно благородную роль.

Его преданно любила и всегда верила ему молодежь. В Институте искусствознания, одним из столпов и духовных опор которого он был, его неизменно окружали молодые. Из ГИТИСа, где он был кумиром студентов, его дважды увольняли по политическим мотивам: в первый раз – как «космополита», во второй раз, десятилетие спустя, – за то, что отказался видеть в Ницше прямого предшественника Гитлера. Лекции Аникста остались прекрасным воспоминанием для всех, кто имел счастье его слушать. Как никто иной он умел счистить с классического произведения патину времен, хрестоматийный глянец, позволить классике засиять первоначальным блеском. Избегая эффектной модернизации, он способен был показать вечный, или, что то же самое, современный смысл старинных сочинений – и не только тех, что принадлежали к первому ряду историко-литературных святцев. Так, его лекция об Этьене де ла Боэси, авторе «Рассуждения о добровольном рабстве», была безукоризненно исторична и именно поэтому захватывающе актуальна. Слушая Аникста, мы поражались: вот когда, еще в XVI веке, люди ломали голову над проклятыми вопросами, которые, как нам прежде казалось, были открыты только в нашем столетии. Преимущество культуры, ее целостность выступали в лекциях Аникста и на страницах его книг в почти физической реальности.

В последние два десятилетия жизни искусственно оторванный от студенческой аудитории, Аникст нашел себе аудиторию неизмеримо более многочисленную. Его телевизионные передачи о Шекспире, Гете, Шоу, в которых пафос истинного просветительства соединялся с ораторским блеском и благородным артистизмом, снискали ему любовь миллионов.

Если выставить рядом на полках все написанные Аникстом книги, можно подумать, что

это результат многолетних трудов целого научно-исследовательского института.

Аникст словно был создан, чтобы заниматься историей английской культуры. Коллеги называли его между собой «сэр Аникст», что расходилось с принятой в Англии формой обращения к титулованной персоне. Правильно было бы – «сэр Александр», но было абсолютно верно по сути. Он обладал тончайшим чувством самой природы «английскости». Его собственный юмор, в котором внешняя невозмутимость сочеталась с блеском парадокса, заключал в себе нечто от комедиографов эпохи Реставрации, от Уайльда и Шоу – никто лучше Аникста не писал об их драматургии. Его знаменитое эссе «Как стать Бернардом Шоу» было посвящено вопросам сугубо современному, но любой, кто хочет понять и почувствовать существо Шоу, должен начать с этой статьи. Сентиментально-охранительные восторги перед классикой – не в духе Шоу и не в духе Аникста: вот отчего он сразу принял «Мою прекрасную леди» и справедливо расхвалил американскую постановку мюзикла в чудесной статье «Бернард Шоу поет и пляшет». (Когда тот же мюзикл был пошло и глупо поставлен в московском Театре оперетты, А.А. обрушил на режиссера и актеров такой залп беспощадных и вполне заслуженных сарказмов, что дело закончилось коллективной «телегой», посланной по начальству – хорошо известный в советском театре способ реагировать на критику.)

Временной размах английских штудий Аникста поразителен – от «Беовульфа» до «Оглянись во гневе», от средневековой мистерии до постановок Питера Брука. Но прежде всего, конечно, Шекспир.

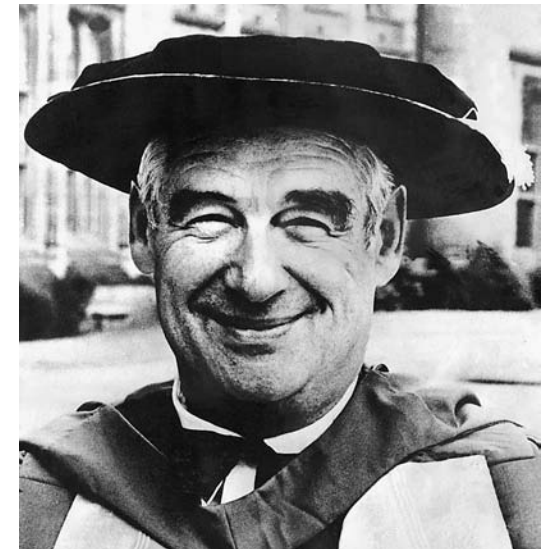
В шекспироведении у Аникста было много предшественников и старших современников. Но никто в русской науке до него не создавал столь всеобъемлющего исследования шекспировского творчества. Мировоззрение, поэтика и техника драматурга в их эволюции; история первых изданий и проблемы текстологии; творчество предшественников и современников Шекспира; история восприятия его произведений, от его собственного времени до наших дней;

театр шекспировской эпохи; интерпретация Шекспира на сцене, в кино, в науке – вот неполный перечень проблем, которые занимали ученого. Проще сказать – труды Аникста дают универсальную аналитическую картину творчества английского классика, при этом – картину, выполненную на современном уровне мировой науки. Аникст опирался на замечательные открытия западных шекспироведов и сделал эти открытия известными нашим читателям. Он был признанным главой отечественной школы шекспироведения. Стол его всегда был завален горами чужих рукописей – едва ли не все, кто писал о Шекспире или переводил его (а имя им в России – легион), посылали свои рукописи Аниксту, прося об отзыве и неизменно его получая. Перегруженный собственной работой, Аникст всегда находил время помогать вступающим в науку – особенно тем из них, кто жил далеко от столицы и был лишен возможности общаться с коллегами. Если опубликовать переписку Аникста с начинающими шекспирологами, она составила бы не один том собрания его сочинений.

Его хорошо знали и ценили в мире, прежде всего, на родине Шекспира, где Аникст получил почетную степень доктора Бирмингемского университета, – при этом университете, благо Бирмингем недалеко от Стратфорда, существует Шекспировский институт, главный центр мирового шекспироведения.

Аникста любили, им восхищались люди театра. Филолог по образованию, он смог стать тем, кого называют «театральным человеком». Он легко находил общий язык с актерами и режиссерами: явление, не столь распространенное, как полагают. В своих мемуарах «Исповедь актера» Лоренс Оливье, обычно не склонный к чрезмерной эмоциональности, описал встречу с Аникстом в Москве как один из двух самых прекрасных моментов его гастролей с Национальным театром. (Другой момент – поездка в Петергоф!)

Круг научных занятий Аникста, беспрецедентно широкий, выходил за пределы изучения английской литературы и театра. В последние годы он написал несколько прекрасных книг о Гете. Точкой схода шекспироведческих изысканий Аникста стал «Гамлет», внутренний центр

А. Аникст

его работ о немецком классике – «Фауст», два величайших и самых таинственных создания человеческого гения.

Дерзновенная мысль ученого всякий раз ставила перед собой задачи сверхсложные. Ему мало было Шекспира и Гете. На склоне своей жизни Аникст создал многотомный труд по истории учений о драме. Это был замысел истине грандиозный – написать первую в мире фундаментальную историю теоретических воззрений на драму в России и на Западе, с V века до нашей эры вплоть до нашего столетия, от Аристотеля до Ницше, от Пушкина до Чехова. Работа, которая под силу лишь целому научному сообществу, была предпринята одним человеком и почти доведена до завершения. Первая книга этой серии вышла в 1967 году, последняя – накануне кончины Александра Абрамовича.

Мудрец и просветитель, воин и джентльмен, которому одинаково к лицу были солдатская плащ-палатка и мантия почетного доктора наук, Аникст принадлежал к той подлинной элите российской интеллигенции, которая в самые смутные времена смогла сохранить достоинство нашей культуры.

Он умер, как жил, – в библиотеке, с книгой в руках.